

ва, — Дворцовая площадь. Почему? Видимо, какие-то особые «воздухи» там распространены, какие-то очень уж «ленинградские» флюиды... Как-то, помню, шел по Дворцовой, не замечая ничего вокруг, уставившись глазом в брусчатку площади, и вдруг слышу: «Смотрите, журавлики!» Поднимаю голову: Плыл над Невой

закат пунцовый, весна ворочалась вдали, а там, над площадью Дворцовой, и впрямь летели — журавли! Немного их... Отрывок стаи, но все равно, держась углом, натужно (видно, что устали) они стремились напролом! Добро бы где-нибудь над склоном полей, над сучьями лесов, — над Александровской колонной прогрохотал их трубный зов... Увы, мы часто живем, смотря только под ноги... Сейчас пишу повесть, которую назвал «Под музыку Вивальди». Повесть начинается как раз здесь, у Александровской колонны, где особенно остро ощущается наш город: рядом — Эрмитаж, Капелла, дом Пушкина... Героиня книги — ленинградский экскурсовод, «Дон Кихот в юбке», из тех бескорыстных, чистых душ, на которых держится мир... Она воспитана этим городом, этой архитектурой...
— Помните свое самое первое стихотворение!

свою «поэтическую биографию»... Понимаете, чисто профессиональными поэтическими навыками в принципе овладеть можно быстро, гораздо труднее воспитать душу, чтобы ее терзали людские боли, чтобы она жила теми радостями и горестями, которыми живут окружающие поэта люди...

— Давайте попытаемся выяснить, как рождаются стихи. Как это таинство происходит у вас?

— Очевидно, те самые импульсы, от которых идет сигнал к написанию стихов, у каждого поэта рождаются по-своему. Для меня, например, таким сигналом часто становится какая-то фраза, житейский факт, деталь... Много стихов родилось у меня на вокзале. Я много ездил и вообще люблю вокзалы — за людность. И на стадион, кстати, хожу в основном не из-за футбола, а потому, что это — людское море, где вылавливаю для себя, для стихов какие-то конкретные толчки, детали, импульсы... Так вот, однажды увидел на вокзале маленькую девочку, которая потеряла родителей, и ее нес на руках молодой милиционер. И для меня вдруг открылась целая судьба — и родились стихи про «потеряшку».

стихи: «Надпись на могиле пилота»:

«Остаюсь на Земле!»
— эта надпись
настолько внезапно!
На могиле пилота,
как явственный голос, —
И не дрогнет пропеллер
у времени
в ласковых лапах
на могиле пилота,
одетой в мучные снега...

— Вы много ездите, летаете, плаваете... Это что — путешествие «в поисках темы»?

— Раньше это просто был мой образ жизни: работал в геофизических экспедициях, так что сама жизнь меня «перемещала»... Теперь по-иному. Иногда вдруг ощущаю: все! Не могу больше написать ни строчки! «Поэтическое состояние» исчезло! Значит, надо срочно собираться в дорогу. Впрочем, ничего исключительного тут нет, вообще не представляю поэта, который бы в наше время соорудил себе некую «башню» и не покидал ее. Например, Александр Кушнер: многие почему-то до сих пор считают, что пишет он «камерно», что его поэзия, так сказать, — от литературы, от кабинета... На самом же деле Кушнер давно уже совсем не тот: много ездит по земле, много видит, и наши с ним дороги на дальних меридианах не раз пересекались...

ить по лесу...» Не скрою, для меня эти слова были большой наградой...

— Поэт вы, конечно, многоплановый — и все же: выделяете для себя какую-то одну, самую главную свою тему?

— А вы знаете, эта главная тема со мной всю мою жизнь. Правда, с годами она трансформировалась: была сначала «недопроявленной», а потом обрела большую ясность, так что внутренний стержень ощущал в себе всегда. Он был со мной и в военное лихолетье, и потом, когда скитался, бродяжничал, и когда учился в ремесленном, и когда служил в армии... Эту свою главную тему определяю просто — любовью к человеку. Если мы не будем постоянно помнить о том, что самое важное — сберечь человека, сберечь от хамства, от подлости, от войны, сберечь — для солнца, которое, посмотрите, так ярко светит сегодня за окном, если, вторяю, мы об этом забудем, то ни о чем другом писать уже нет смысла... Впрямую я подобное говорю и в стихах, и в прозе очень редко, но внутренне в каждой строчке это чувство присутствует неизменно:

...Зачем я родился?
Отвечу, изволь.
Чтоб радовать Землю.
Немалая роль.
Чтоб каждое утро,
пока я иду,
столину славить
ее красоту...

Известно, некоторые критики продолжают упорно делить поэзию на «гражданскую» и «лирическую». По моему глубокому убеждению, это абсолютная чепуха, потому что поэт, любящий свой народ, свою страну, поэт, чье сердце болит всеми болями времени, неизбежно будет писать стихи с гоажданским наполнением, хотя внешне они, может быть, и весьма скромны. И в песнях, конечно, то же самое...

— Кстати, о песнях: продолжаете работать в этом жанре?

— Только что закончил с Сашей Морозовым цикл из четырех песен. Например, одна из них:

Нынче ночь сырая...
Ночь, как яма.
Напишите мне письмишко,
мама.

Не ходите, мама,
нынче в гости,
налишите,
в синий ящик бросьте.
Если адрес мой попал
в корзину,
напишите просто:
«Север, сыну»...

В общем, получился полубардовский, «негромкий» цикл.

— Сейчас вы чаще всего работаете на Карельском перешейке, в Комарове. Что, лучше пишется на природе?

— Комарово дорого прежде всего мне тем, что здесь когда-то познакомился с Анной Андреевной Ахматовой. А вообще мир, где удивительно сплелись залив и сосны, для работы просто незаменим. Пожалуй, самые задумчивые, «петербургские» стихи родились именно здесь...

Беседу вел
Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото автора

« ЧТОБ РАДОВАТЬ ЗЕМЛЮ... »

Воскресный гость «Смены» — поэт Глеб Горбовский

ОН РОДИЛСЯ на берегу Невы. Веской сорок первого мама проводила сына в Псковской край, на дачу. «Дача» обернулась четырехлетними скитаниями по страшным дорогам войны. «Что такое фашизм, он увидел глазами своей души, всей ее детской чистотой и впечатлительностью, — так о Глебе Горбовском писал Михаил Дудин. — Это была жестокая школа. Школа колючей проволоки и окрика. Школа пули и виселицы. Школа восторга мести и жажды справедливости...»

Такое вот выпало Глебу детство... Потом — неустрашенная юность, ремесленное училище, нелегкая физическая работа. И поэзия. В литературном объединении «Голос юности» при Ленинградском доме культуры профтехобразования его стихи привлекли к себе внимание сразу. С той поры уже минуло четверть века. С той поры люди прочли уже много книг, где в каждой строке — сердце поэта, ответственное за судьбу Родины, судьбу Земли. И еще там в каждой строке — ощущение, что написал ее ленинградец...

— Как вы думаете, Глеб Яковлевич, смогли бы стать поэтом, если бы жили не в Ленинграде?

— Наверное, все-таки стал бы, но вот — каким? Таким же или иным? Наверняка — иным. Потому что место, где поэту довелось явиться на белый свет, естественно, откладывает на том, что и как он пишет, свой отпечаток. А тем более — город на Неве, с его литературными и вообще художественными традициями, от Петра и до наших дней...

— Значит, Ленинград «помогает» писать?

— Конечно, помогает — как всякое родное существо. Да, прежде всего испытываю к этому городу самое заурядное родственное чувство... Понимаете, люблю и Москву, и Псков, откуда вышли мои

предки, и разные сибирские города, где много работал, но все-таки Ленинград отчается в биографии высшей точкой отсчета.

— Есть тут любимые уголки?

— Есть. Во-первых, Васильевский остров, где жил, учился, и когда однажды пришлось на время переехать в другую часть города, очень тосковал:

Стороной объезжаю Васильевский остров.
Ежедневно в былые кататься — несосно.
Я самую на такие элентротелеги,
что окольно минуют знакомые бреги.
Здесь, на линиях острова,
в темных парадных,
Слишком много оставлено песен отрядных...

Однако самое для меня яркое место, даже больше, чем Стрелка Васильевского остро-

— Да, и толчок к тем, самым первым стихам, как ни странно, дала... почтовая открытка с изображением известной картины художника Ярошенко «Всюду жизнь...» Я тогда учился в ремесленном, на краснодеревщика. Дерево любил с детства и потом, может быть, для того и уезжал в экспедиции, в тайгу, чтобы побыть наедине с деревьями...

— С чего же, по-вашему, начинается поэзия?

— Прочтя любое поэтическое произведение, я стараюсь заглянуть в самого себя: взволновало ли оно меня? «Взволновало» — это не только, когда кровь прилила к лицу или пульс повисился. Нет, тут главное — «шевельнуло» ли стихотворение во мне те впечатления, которые уже успел накопить в жизни, дало ли им новую работу? Подобное волнение, даже потрясение я, например, испытал, когда впервые открывал для себя Блока...

— А с чего начинается поэзия?

— По-моему, поэт начинается с того момента, когда человек уже способен забыть про то, что он — поэт, что вот, мол, сидит за столом, пишет стихи, делает, так сказать,

...Колыбелит тело зыбь рессорная.
Снится мне малышка беспризорная.
В душу мне глядят глазами сонными
на руках у мальчика с погонами.

В другой раз встретил на вокзале бездомную собаку, которая, видимо, искала своего хозяина. Приласкалась было к одному, а он ее — ногой... И тоже строчки родились почти мгновенно:

Вонзал вздыхал в сто сотен легких.
Народ стучал, кричал и мчал...
Меж ног людских шныряя ловко,
бродяга пес один скучал.
Он выбирал своих по духу.
Зевает, понюхает... Не тот.
Но вот он выбрал умным нюхом,
привстал и чмокнул!
Прямо в рот...
А тот, избраннык, с желчным смаком
в собачьи губы — свой башмак!

...И думал пес:
«Ты... не собака?»
А люди думали — не так.

Однажды, сидя в театре, услышал со сцены фразу: «Остаюсь на земле», и тут же записал ее на программке. Не знаю уж, чем она поразила, но почувствовал: «Стихотворение — в ловушке!» И действительно, вскоре родились

Обычно блокноты после таких путешествий, встреч с самыми разными людьми полны тех самых «импульсов», от которых потом берут начало стихи...

— Постарайтесь, пожалуйста, припомнить какую-либо из подобных встреч, когда вы с особой остротой ощутили важность и необходимость своего дела.

— Прежде всего, как ни странно, вспоминается самое первое публичное выступление. Это было году в пятьдесят седьмом, на Сахалине, в экспедиции. Однажды вечером решил почитать стихи вслух, и по тому, как их принимали, понял, что делаю что-то стоящее. Появилась вера в себя... Много лет спустя, оказавшись среди строителей БАМа, прочитал однажды среди других старое стихотворение «Мертвый лес»:

Пожар отключил и умер.
И умер лес, отзеленел...
Трагедия исчислил в сумме один хозяйственный отдел.
Медведь ушел, удрали зайцы,
хвятили горя комары.
В жилищах птиц сварились яйца
от неестественной жары.
Я уходил от этой жутки
с большой травогой
за людей...
Не люди лес сожгли,
не люди!
Я отвечаю за людей.

Среди собравшихся в бараче был и начальник лесопункта. Услышав эти стихи, он поднялся и сказал: «Надо их отпечатать побольше и раскле-